

Владимир ВАСИЛЬЕВ,
Санкт-Петербург

О последней войне написано множество исторических произведений. Казалось бы, мы давно уже обо всем знаем: подробно расписан план «Барбаросса», раскрыты тайники СС и СД, секретные разработки Имперской канцелярии... Ан нет – находят новые факты, документы, которые снова и снова доказывают, как тщательно, со свойственной немцам педантичностью, верховное руководство Германии готовилось к нападению на Советский Союз.

ОШИБКА ОБЕРФЮРЕРА

(О НОВОЙ КНИГЕ ВИКТОРА КОКОСОВА)

Повесть Виктора Кокосова «Операция "Русская прививка"» раскрывает подробности одной из таких операций, задуманных ещё до начала войны. Кодовое название её «Русская прививка». Цель – привить немецкому солдату менталитет русского солдата, который заменит им «шоколад храбрости» – лакомство с первитином – специально разработанным в лабораториях третьего рейха наркотиком.

Повесть захватывает внимание читателя с самого начала. Группа по осуществлению «русской прививки» создавалась по указанию Гитлера. Руководителем был назначен доктор медицины оберфюрер СС Вайтенхофф, его помощником – дипломированный психолог Кроль. Позднее, после долгих проверок, в неё вошли доктор филологии профессор Кранке и бывший преподаватель словесности в гимназии, поручик царской армии на Первой мировой войне Петров, долгие годы живущий в Германии и работающий в МИДе.

Спецгруппа СД отправляется на Восточный фронт вслед за наступающими германскими войсками. «Специалисты» готовы допрашивать советских солдат, попавших в плен исключительно не по своей воле, чтобы изучать менталитет русских воинов.

Желание оберфюрера Вайтенхоффа быстрее приступить к работе подогревается рассказом профессора Кранке о сказке русского писателя Аркадия Гайдара «Мальчиш-Кибальчиш». Оберфюрер уверен – он-то, дескать, никого пытать не собирается, а в доверительных беседах пленные советские солдаты сами всё расскажут!

Случай предоставляется почти сразу после перехода границы. И какой! Тяжёлый советский танк «КВ» встал на пути немецкой танковой бригады. За день он подбил три танка, шестнадцать грузовиков и расстрелял из пулемета группу сапёров. Русские сдаваться не собираются. А тут ещё профессор Кранке, несмотря на грозящую

ему опасность, рвётся поговорить с «красными» танкистами.

Примечательно, разговор с совсем ещё молодыми бойцами вовсе не помогает профессору в выполнении задачи, а, наоборот, потрясает его, и расчувствовавшийся Кранке рассказывает экипажу танка о контрударе советских войск, укрепляя тем самым красноармейцев в их вере в победу. В завершении этого эпизода боязливый профессор отваживается на смелый поступок – на могилу погибших танкистов он возлагает полевые цветы.

И это не единственный случай, когда после пересечения границы группы оберфюрера Вайтенхоффа сталкиваются с недоступным для понимания захватчиков героизмом советских солдат. Немцы, готовые ко всяким неожиданностям, не понимают, как кавалеристы Красной Армии могли пойти в атаку на немецкие танки, забросав их гранатами, а потом порубив выскочившие из люков экипажи двух танков. Им не взять в голову, как было возможно наступление русской дивизии, которая, по мнению немецких генералов, ещё недавно была застигнута врасплох, рассеяна и отступала без пополнения личным составом, боеприпасами, военной техникой, продовольствием.

Документальные события первых дней войны, описываемые в повести Виктора Кокосова, не лишены жестокой правдивости: «Генерал-майор Павлов прекрасно понимал, что происходит. 22 июня фашистские бомбардировщики без всякой помехи со стороны нашей авиации методично уничтожили на марше части его дивизии, двигавшиеся навстречу немцам. Красноармейцы смогли закрепиться в десятки километров от Каунаса, но, оказавшись без поддержки артиллерии, танков и самолётов, были сметены с позиций армейским корпусом противника, практически с ходу захватившим этот литовский город... Командующий 11-й армией генерал-лейтенант Морозов был невесел. И за пару дней, что они не виделись, сильно поседел: армия, фактически, находилась в окружении, да ещё была надвое рассечена».

Другие офицеры, оказавшись на их месте, впадали в панику. Но эти... Тот же Морозов 21 июня 1941 года, получив приказ сдать боекомплект и отвести части, высказался в резкой форме и поначалу отказался его выполнять. Подчинился только под нажимом командующего округом. Теперь же генералы Морозов и Павлов, «у каждого из которых эта германская была уже по счёту вторая» принимают решение перейти в контрнаступление, в котором невозможно победить, но можно задержать продвижение противника, и в ходе которого командир дивизии погибает, возглавив штыковую атаку последнего резерва.

Оправившись от потрясения, вызванного неожиданным контрнаступлением советских войск, группа оберфюрера Вайтенхоффа продолжает экспедицию. И им тут же везёт: после незадачи с допросом военнопленных они случайно выезжают к месту расстрела русских комиссаров.

«Они прошли метров пятьдесят и оказались на небольшой полянке. С краю, рядом со свежевырытой ямой приличных размеров, возвышалась гора земли. Рядом с ней с ней сидели шестеро красноармейцев, вокруг которых полукругом стояли автоматчики, готовые в любой момент нажать на спусковой крючок. Ещё один русский боец, чуть поодаль, залез на дерево и что-то привязывал к толстому нижнему суку...»

Вайтенхофф приказывает профессору Кранке поговорить с пленными. Профессор пытается убедить политработников объявить себя высокопоставленными руководителями, дескать, только так они могут быть спасены от немедленного расстрела. Однако его убеждения не помогают. Тот же, кто готовил виселицу, оказался предателем.

Здесь можно было бы описать героизм комиссаров, либо не проронивших ни слова, или восставших в неравном бою. Виктор Кокосов же подходит к развязке по-иному. Когда предателя ставят в один ряд с комиссарами, они просят расстрелять его отдельно. И его расстреливают первым.

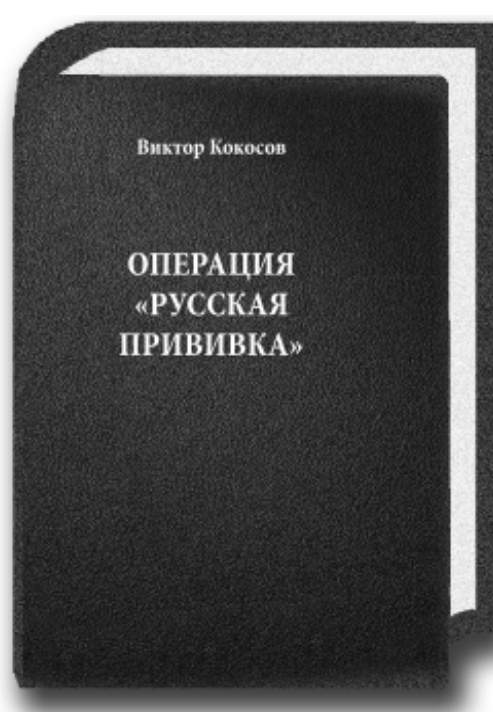
Таких моментов, далёких от стандартов, от штампов, в книге много. К ним можно отнести беседу оберфюрера Вайтенхоффа с профессором Кранке. Вайтенхофф, достаточно умный человек, откровенно признаётся филологу, что его соратник по группе психолог Петер Кроль вовсе не стремится к выполнению задания, а работает на будущее, когда после войны сможет предложить свои услуги США или другой сильной державе. Что же до русских, то на намёк профессора о провалившемся блицкриге, оберфюрер правдиво замечает:

«Увы, мой дорогой Кранке. Мало того, когда я недавно встречался с одним знаковым генералом, он нехотя рассказывал: только его передовые отряды вышли к окраинам Москвы, как на них налетела толпа русских рабочих, вооружённых молотками и какими-то палками. Эти люди совсем не боялись смерти и бежали прямо навстречу плотному ружейному и пулемётному огню. Многие погибли. Остальные устроили настоящую побоище. Стыдно сказать, но солдаты вермахта отступили».

Своеобразен и прост в решении эпизод с гибелью руководителя группы оберфюрера Вайтенхоффа. Оставленная им для стряпни хозяйка дома крестьянка Мария, поднося обед немецкому офицеру, подорвала его гранатой и погибла сама.

Предваряет это событие её разговор с профессором Кранке:

«Ступай по своим делам и не волнуйся так, милый, – распахнула перед ним дверь старуха. – А уж главного фюрера твоего, ээса длинноногого, я до отвала накормлю.

Получит и обед, и гостинец ко дню Конституции».

Профессору Кранке повезло. Он был захвачен в плен отрядом лейтенанта Пушкина, правнуком Александра Сергеевича Пушкина (реальный факт – Григорий Григорьевич Пушкин воевал и партизаном, и – потом – разведчиком!), творчество которого изучал многие годы. Обрадованный такой случайности, доктор филологии, выпив водки, произносит речь, в которой отказывается понимать русскую душу.

Он ещё не знает, что его сосед по дому в Берлине и товарищ по шахматам, поручик Петров, в это самое время, сжимая в ладони заслуженный в бою Владимирский крест, расстреливает из пистолета психолога Кроля, а потом убивает себя.

А ещё перед этим Петров сжигает документы группы оберфюрера Вайтенхоффа и признаётся Кролю: «Я не предатель, я патриот своей страны. Примите последний доклад: все ваши предложения и по разложению русского народа уничтожены, господин психолог. Я давно ждал этого момента. И ещё с мая, когда меня звали в группу оберфюрера, вёл свою собственную войну. Я, понимаете ли, люблю не какое-то правительство, а саму Россию. И не позволю изобретать никакого лекарства против русских...»

Таких примеров, раскрывающих особенности русской души, в повести много. Все они основаны на документальных фактах и, вместе с образным описанием событий в литературном произведении, представляют собой правдивое и насыщенное повествование о начале войны и неудавшейся операции, носящей для нас странное название «Русская прививка».

